

A black and white close-up portrait of a man with a full beard and intense gaze, looking slightly to the left. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his skin and the details of his beard. The background is dark and out of focus.

НИ ЗА КОГО
И НИ С КЕМ, КРОМЕ

совести

ЛЕОНИД
КОРНИЛОВ

Леонид Софронович Корнилов
Ни за кого и ни с
кем, кроме совести
Серия «Стихи Рунета»

*indd предоставлен правообладателем indd предоставлен
правообладателем*

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65995070

Леонид Корнилов Ни за кого и ни с кем, кроме совести:

ISBN 978-5-17-138905-5

Аннотация

В новую книгу вошли стихотворения разных лет, в которых своеобразный отчет автора перед читателями и своей совестью.

Поэт поднимает важные для любого человека темы: это и проблема выбора, и правильность расстановки жизненных приоритетов, и вечная борьба добра и зла, и поиск своего предназначения.

Это глубокая, наполненная смыслами и образами поэзия, западающая в душу и способная помочь найти ответы на самые сложные вопросы...

Леонид Корнилов – поэт, член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников: «Соотчич» (2001), «С мишенью на сердце» (2008), «Русский паспорт» (2012), «Пикирующий сокол» (2018).

Содержание

Ревизор	8
Удары сердца	9
«Не верь его цветам всерьёз...»	10
«Напряги мозги, человечество...»	11
Конюх	13
Единственная	15
Бродячий пёс	17
Донецкий аэропорт	19
Скорость	21
Стрижи	23
Ветеран	25
Маресьев	27
Сердечная сумка	29
«Беларусь»	30
Заниматься любовью...	33
Гром	35
«Я двуногой свинье...»	36
Не беда...	37
Последний вагон	38
Русский язык	40
«Переплавливаю мысли в слиток...»	42
Щит вещего Олега	43
«Поэзия грехов не отпускает...»	45

Счастливая рубашка	46
«Непониманье – смертный грех...»	48
Баянист	49
«И никакого вдохновенья...»	50
«Моя страна – каменотёс...»	51
Нация	53
Русский, русскому помоги	55
Амазонка	57
Дворняжка	59
«А жизнь ласкает отчаюг...»	61
«Планеты в кратерах, как в сотах...»	62
Огурец	63
Изба	64
Женева	66
Ёлка	67
Защитник	68
«А на весеннем фронте все свои...»	70
Зимний народ	71
Пугачёв	73
«Словно зыбку планету мотало...»	81
«Осень, осень, листьев осыпь...»	82
«Вздрогну я от небесного оклика...»	84
«В Белом море волны рыщут...»	85
Паводок	87
По следам	89
Русский июнь	91

Молодая осень	93
Поминки по Победе	94
«На подбородке шапка бороды...»	96
Чужие роли	98
Лесное утро	99
Любовь	101
Золотая середина	102
Живодёрня	104
Рыночный народ	105
Стихотворец	107
Метеорит	109
Магнитное поле	111
Ген Победы	113
Автобиографическое	114
Евроказнь	117
Мель	119
БМП – 15 000	121
Будем	123
Другая жизнь	124
«Когда посеют в землю тело...»	126
Вечный государь	127
Ответ украинке	130
Возвращение памяти	132
Новороссия	134
Крайняя минута	136
Севастополь	137

«Затяжная русская весна...»	139
Тавро пирамиды власти	141
Смерч времени	142
Асия	143
Времегодица	145
Сталинград	147
Коренной	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Леонид Корнилов

Ни за кого и ни с кем, кроме совести

Серия «Стихи Рунета»

Вся информация, изложенная в книге, является личным мнением автора и не преследует цели оскорбить чувства людей с иной позицией или вероисповеданием. Редакция не всегда разделяет мнение авторов. Текст приводится с соблюдением авторской орфографии и пунктуации.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Корнилов Л., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Ревизор

Совесь с возрастом стала строже
И злопамятнее весьма.
Всё сурово она итожит
И оценку даёт сама.
Ничего она не забыла,
Всё вытаскивает на вид.
Никогда меня не любила.
«А за что любить», – говорит.
Всё, что сделать успел по дури,
Предъявляет она в укор.
Как наждачкой дерёт по шкуре
Несговорчивый ревизор.
Прицепилась и гложет, гложет.
Всюду ставит свою печать.
Совесь многое в жизни может,
Но не может она прощать.
Неусыпна её опека.
Всё охаживает кнутом.
Совесь делает человеком.
А без совести мы никто.

2021 г.

Удары сердца

Вышибаем ли двери плечом
Или скромненько топчемся в сенцах —
Мы гонимы сердечным бичом
И живём под ударами сердца.
Прожигаем космический мир.
Покидаем земные насесты.
На раздумье даётся лишь миг —
Тот, что между ударами сердца.
Полсекунды, не больше, – на страх.
Полсекунды – на шаг к отступлению.
Мы, качаясь, стоим на ногах
Под безжалостным сердцебиением.
Снова хлещет невидимый кнут.
Раздуваются паводком жилы.
Застояться сердца не дадут.
Только их мы ударами живы.
А другие удары – пустяк.
Всё доступно для духа и плоти,
Пока сердце, размером с кулак,
Нас от чистого сердца колотит.

2002 г.

«Не верь его цветам всерьёз...»

Не верь его цветам всерьёз.
В галантной выходке злодея
Ключей проволокой роз
Обносит он твои владенья.
Но радость женская слепа.
И платье содрано, как кожа.
В дарёных кольцах и цепях
Ты на кандальницу похожа.
И тянешь срок любовный свой.
И, стойко выдержав все пытки,
Бредёшь с подарками домой,
В душе – ограблена до нитки.

1996 г.

«Напряги мозги, человечество...»

Напряги мозги, человечество,
Растолкуй про мои мытарства:
Почему я, любя отечество,
Матерю своё государство?
Не ответил мир ошарашенный,
Промычал, что нет прецедента.
То есть нет аналога нашему
Историческому моменту.
Вот и я гляжу: дело тёмное.
Разломили страну, как булку.
К сердцу Родины, многотонному,
Люди-крошки прилипли будто.
Кто прикрыть собою старается,
А кто руки втихую греет.
Кто – народ, тот, понятно, мается.
Ну а прочий люд богатеет.
Я и сам как расколот надвое
И в душе под орех разделан.
Не скажу, что всех больше надо мне,
Но в стране до всего мне – дело.
И беру за грудки правительство,
И даю властолюбцам жару.
Я имею свой вид на жительство

В русской части земного шара.
И попробуй, заедь по морде мне.
Эй, чиновничья грязь, раздайся.
Я живу у себя на Родине,
А чиновники – в государстве.
Вот и разница вся, как будто.
Но огромна она, как бездна.
Разломали страну, как булку,
А народ не зовут к обеду.
От разрыва сердце не лечится.
Вот ведь русской судьбы коварство —
Умирать от любви к Отечеству,
Матеря своё государство.

1996 г.

Конюх

На мясо к празднику в колхозе
Решили резать лошадей.
Две клячи, по уши в навозе,
Глядели тупо на людей.
А люди с сумками стояли
Рядком у скотного двора
И терпеливо ожидали
Лихой расправы топора.
Но конюх вынес, как икону,
Седло и в ноги уронил.
Пропивший всё на свете конюх
Однако упряжь сохранил.
И ненадёванная сбруя,
И блях начищенная медь
Просили, бликами ликуя,
На лошадей себя надеть.
И конюх стал неторопливо
Седлать. (Народ оторопел.)
Он расчесал хвосты и гривы,
Как будто в чистое одел.
Под нос бурчал, мол, так не будет,
Уж не воротишь громких дней,
Когда смешались «... кони,

люди...». И кони вынесли людей.
И принялись ушами прядать
Две клячи, вспенив удила.
А люди сумки стали прятать
За спины. Вот таки дела.
Когда осёдланных лошадок
Наш конюх вывел, пьяный в хлам,
Народ, что был до мяса падок,
Уж разошёлся по домам.
Потом в окошки, бога ради,
Глазели с ласковым смешком,
Как две кобылы при параде
Плелись в обнимку с мужиком.
А конюх, выпятив грудину,
По каждой улице села
Водил спасённую скотину,
Рубя всех матом до седла.

1995 г.

Единственная

Уж таким слепцом уродился я,
Что других не вижу в упор.
Ты – единственная, единственная!
Выношу себе приговор.
Афродита машет руками мне,
Море с белых снимая ног.
Но в своей одиночной камере
Я тяну пожизненный срок.
Не желаю свободы выбора.
Нагулялся я, как ничей.
Я сверкал океанской рыбою,
Но на нерест иду в ручей.
Пусть ударит под дых ущелье мне
(Любят камушки ближний бой),
Но меня отольёт течение
Родниковой твоей водой.
В четырёх стенах твёрдокаменных
С леденящим каменным дном,
Слышишь, в клетке грудной, как в камере,
Ходит сердце моё ходуном.
В одиночке ему так здорово.
Ты – единственная, клянусь!
Отпускай на четыре стороны —

Я четыре раза вернусь.
Лучше в зоне любви быть зэками,
Чем свободу любить, как вор.
Не хочу жить в разбитом зеркале.
Мне нужны зеркала озёр.
Нахлебался свободы выбора.
Не мужчина тот, кто ничей.
Я сверкал океанской рыбою,
Но на нерест иду в ручей.
И камнями до рёбер выскоблен,
Прижимаясь к тебе в упор,
Постигаю земную истину:
Ты – бессмертный мой приговор.

1996 г.

Бродячий пёс

Бродячий пёс по жизни бродит.

А то, что ищет, не находит.

А жизнь собачья коротка,

Чуть-чуть длиннее поводка.

Бродячий пёс и сам не знает,

Как он мучительно страдает.

Он просто нюхает следы,

Следы холодные, как льды.

Приснилось как-то раз бедняге

Про кости на пиратском флаге.

И он во сне бежать был рад

На кличку славную Пират.

А все собаки любят кости

И за костями ходят в гости.

А я люблю таких гостей

И мне не жаль для них костей.

Все реже пёс в гостях бывает.

На все четыре он хромает.

Ведь жизнь собачья коротка,

Особенно без поводка.

Бродячий пёс уже не лает,

На все четыре не хромает.

Он навсегда ушёл в следы —

Следы холодные, как льды.

1995 г.

Донецкий аэропорт

Наш самолёт: Донбасс – Москва...

Задержан вылет

Сперва на год, потом на два,

А там – как выйдет.

В Россию надо, мать честна,

Лететь народу.

А нам нелётную война

Даёт погоду.

Но, отрываясь от земли,

Как самолёты,

Не зря же мы на небо шли

За ротой рота.

В окопы врос аэропорт,

Стоит заставой.

И перегружен каждый борт

Донецкой славой.

У нас билеты на руках

Домой – в Россию!

На все грядущие века

Билеты в силе.

Не принимает высота,

Но, зная наших,

Она бронирует места

Героям павшим.
И пусть порвало синеву
Военной бурей.
Донбасс билеты на Москву
Сдавать не будет.

2015 г.

Скорость

По асфальту поток машин
Брызжет скоростью из-под шин.
И со смертью глаза в глаза
Ржут, как лошади, тормоза.
Он спешит. Ему равных нет
В вечной гонке на красный свет.
Он по этому свету жмёт,
Чтобы раньше попасть на тот.
И столбы подставляют лбы.
И встают мосты на дыбы.
И встаёт, наконец, рассвет.
Но соперника нет и нет.
А дорога дрожит, как пёс,
Под ударом крутых колёс.
Позабыв про ночной кошмар,
Слепнут совы уставших фар.
Сбитый воздух летит в кювет.
Он спешит. Ему равных нет.
На подъёме другого дня
Он рискнёт обойти меня.
Мне соперник как божий дар.
Я грызу на свечах нагар.
Я сжигаю бензин в себе.

Я ломаю хребет судьбе.
Пропущу его на прямой.
Но зато поворот за мной.
Там дорога идёт вразнос,
Чтоб избавиться от колёс.
Нервы там на руль намотав,
Мы увидим, кто был не прав.
Каждый впишется в поворот:
Кто на этот свет, кто – на тот.

1996 г.

Стрижи

Ты своей просьбой слёзною
Крылья мне не вяжи.
Высоко ночью звёздною
Спят над нами стрижи.
Над землёй выше облака,
Где кончаются дни,
Чуть не падая в обморок,
Спят в полёте они.
Над святым и над грешником,
Миром правды и лжи,
Как свеча над подсвечником,
Темень режут стрижи.
Мне в постели удушливо,
Да и сна вовсе нет.
Дорогая, подушками
Не бросайся мне вслед.
И своей просьбой слёзною
Крылья мне не вяжи.
Я уйду ночью звёздною,
Чтобы спать, как стрижи.
И не страшно разбиться мне,
Дорогая, пойми,
Нужно быть малость птицами,

Чтоб остаться людьми.

1996 г.

Ветеран

Как последний патрон, ветеран
Остаётся в обойме живых.
По цветам салютующих стран
Он когда-то дошёл до своих.
В штыковую бросаясь на смерть,
Как ребёнка, спасал белый свет.
А теперь он не может смотреть
На останки великих побед.
И над плитами братских могил
Замер он, как живой обелиск.
Те, кто сделали всё, что смогли,
Навсегда под землёй обнялись.
Там солдатское братство навек
По прозвищу *Русский Иван*.
И зовёт это братство наверх
Человек из осколков и ран.
Похоронена слава страны.
Хоть и Вечный Огонь, да погас,
Похоронкой с великой войны
Ходит старый солдат среди нас.
В заржавевшей обойме времён,
Фронтвые сто грамм пригубя,
Он загнал сам себя, как патрон,

Как последний патрон – для себя.
И на братство священное пал,
Как всегда героически смел.
Победителем быть он устал.
Побеждённым он быть не умел.

1999 г.

Маресьев

Растворяясь в мирской суете,
Вы забыли, наверно, забыли,
Как по снегу от стёртых локтей
Отрастали багряные крылья.
И росли они смерти назло.
И тянули на взлёт небывало.
И крылатая кровь на крыло
Истребителя вновь поднимала.
И качала героя страна,
Воспевавшая подвиг и братство.
Было время, когда ордена
Почитались несметным богатством.
И Победа солдатам клялась,
Что о них никогда не забудет.
Но меняются время и власть...
Не меняются русские люди.
И никто русский дух не собьёт.
Нашу память никто не оглушит.
Возвышает маресьевский взлёт
Непокорную русскую душу.
И Россия навечно в долгу
У героя такого размаха.
И враги тот полёт на снегу

Озирают с восторгом и страхом.
Для бессмертия нет слова «был».
Снова лётчика крылья разбудят.
Он, наверно, простил тех, кто сбил.
Но простит ли он тех, кто забудет?

2000 г.

Сердечная сумка

Не таскался с сумою.
Не поскуливал сукой.
Из котомок со мною
Лишь сердечная сумка.
Никакого товара.
Ничего на продажу.
Никакого наваря
Мне от этой поклажи.
В ней сплошная морока
Да сердечная мука.
И кренясь левым боком,
Я тащу эту сумку.
Бросил всё по дороге,
То, что нажито было.
Лишь бы вынесли ноги
То, что сердце скопило.
К чёрту узел заплечный.
И чихал я на тыщи.
Лишь без сумки сердечной
Я, действительно, нищий.

2001 г.

«Беларусь»

На русском поле «Беларусь»
Пахал и пил взахлёб соляру,
Давал на сенокосах жару...
Но в бак ему залили грусть.
Потом в застенках гаража
На скатах спущенных держали.
Скребла его когтями ржа.
И под капотом кони ржали.
И сотни лошадиных сил
Рвались на русские просторы.
Он слышал дальние моторы
И каплю топлива просил.
Без плуга корчилась земля.
Без урожая чахла пашня.
Двуглавый герб-мутант на башне
Венчал двуличие Кремля.
И, окружив славянский дом,
Пылили натовские танки.
Глобальной газовой атакой
На Минск надвинулся «Газпром».
И встал мужик не с той ноги,
Ко всем чертям отбросил стопку.
Заправил «Беларусь» под пробку.

К рулю качнулись рычаги.
Советский гимн запел движок
(Его другому не учили),
И, повернув колёса чинно,
Он небо выхлопом обжёг.
И через ноздри клапанов
Втянув убитой пашни запах,
Он, вздыбившись, повёл на Запад
Ряды железных табунов.
И понеслись в последний бой
Все «Беларуси» – белоруссы.
На подвиг малые колёса
Вели большие за собой.
И странно было всей Руси,
Великой некогда и смелой,
Вставать за малой Русью – Белой
И верить: Господи, спаси!
И через поле, через мать...
Опять сошлись надежды в Бресте,
Где сроду с Беларусью вместе
России славу добывать.
И честью пахаря клянусь,
Что, на бинты порвав портянки,
Тараном в натовские танки
Влетел горящий «Беларусь».

2001 г.

Заниматься любовью...

Кто сказал: «Заниматься любовью...»

Тот достойный наследник горилл.

Бог не дал ни ума, ни здоровья

Тем, кто эти слова повторил.

Мерзок лоск сутенёрских подстилок.

Я – мужчина, и, стало быть,

Я в себя ещё женщину в силах

Без услуг посторонних влюбить.

Добровольные дворники дряют

Спелых ног проходные дворы...

Что-то есть в тебе, дрянь дорогая,

От озоновой страшной дыры.

Через вас выстывает планета

От постельной холодной возни.

В казино под названием «Джульетта»

Умирает Шекспир, чёрт возьми!

Жизнь ночную откачивать поздно,

В ней гуляет больное вино.

Как на водку, рождённому ползать,

Заниматься любовью дано.

Мерзок лоск сутенёрских подстилок:

Я – мужчина, и, стало быть,

Я влюбить в себя женщину в силах.

Лишь не в силах её разлюбить.

2001 г.

Гром

Ты грозу последнюю запомни:
Я не даром небо разорвал,
Но сломал о землю крылья молний
И упал за дальний перевал.
Вот лежу с открытым переломом.
Ты не верь, мужик, пока я тут,
Что у грома нет родного дома,
Что его на родине не ждут.
И по мне, конечно, сохли бабы,
Я ведь тоже нравиться умел.
Но своё, наверно, отбабахал,
Но своё, как видно, отгремел.
Горизонтом зажимаю рану.
Мне нельзя на стон или на крик.
Ты же знаешь, если я не гряну,
Ты не перекрестишься, мужик!
Мне другое дело незнакомо.
Я не мог с высот не загреметь.
Понимаешь, я родился громом,
Значит, должен громко умереть.

2001 г.

«Я двуногой свинье...»

Я двуногой свинье
Не могу не заметить:
Изменяя жене,
Изменяешь и детям.
И потомки твои
Унаследуют гены
Не со знаком любви,
А со знаком измены.

2001 г.

Не беда...

Не беда

Считать года.

Мне с годами стало ясно:

Жизнь страшна,

Когда прошла,

А пока идёт – прекрасна!

2001 г.

Последний вагон

Нас несут под уклон
Наших лет поезда.
Детство первый вагон
Занимает всегда.
Во втором – перезвон,
Счастье быть молодым.
Лишь последний вагон
Громыхает пустым.
В третьем – враг и обман.
А в четвёртом – свои.
В пятом стонешь от ран,
А в шестом – от любви.
А в седьмом – небосклон.
А в восьмом – полумрак.
А последний вагон —
Порожняк, порожняк.
А в девятом давно
Годы жмутся битком.
И разбито окно,
И саднит сквозняком.
А в десятом с тобой
Едет жизни итог.
А в последний, пустой,

Не садится никто.
Но однажды, отстав,
Ты рванёшься вдогон.
И отцепит состав
Твой последний вагон.

2001 г.

Русский язык

Мне последнего слова не надо.
И когда хлынет кровь под кадык.
Из меня, как чеку из гранаты,
Время выдернет русский язык.
И сорвёт оглушительной силой
Свет со звёзд, словно пламя со свеч.
Над воронкой, размером с Россию,
В космос вздыбится русская речь.
Немота перейдёт все границы.
И полмира забудет слова.
И минута молчанья продлится
Может год, может век, может два.
Но когда кошельками моллюсков
Мир себя до отвала набьёт,
Он очнётся и вспомнит про русских,
Про бессребреник – русский народ,
Раздаривший Аляску и правду,
И поднявшийся к Богу впритык.
Мне последнего слова не надо.
Говорить будет русский язык.
Он из наших – последний великий
Прикрывает надёжно отход.
Не иконы, а книги, как лики,

Остаются на полках высот.
Что хотите вы мне говорите...
Как в пространстве царит высота,
Так числом русских букв в алфавите
Измеряется возраст Христа.
Древним словом мы с будущим слиты.
Человечество – наш ученик.
Наш круг чтения – земная орбита.
Наша Родина – русский язык.

2002 г.

«Переплавляю мысли в слиток...»

Переплавляю мысли в слиток,
Когда худеет кошелёк.
Богатство – точно пережиток.
А бедность – точно не порок.
И я стихами стол накрою
Интеллигентной голытьбе.
Не то богатство, что с тобою,
А то богатство, что – в тебе.
Нет ничего богаче взгляда,
Что может счастье передать.
Талант писать я ставлю рядом
С талантом слушать и читать.
Кто продаётся – богатеет.
Но грош цена рабам мошны.
Блажен, кто денег не имеет
За неимением цены.

2002 г.

Щит вещего Олега

Нет, не прошла пора набега,
Лишь изменился сам набег.
И потемневший щит Олега
Нас ждёт уже который век.
За ним приглядывать бы надо,
Чтоб гниль да пыль не завелась.
Не зря его к воротам Царьграда
Прибил когда-то мудрый князь.
Но Византии дни минули.
Сверкнул османский ятаган.
И русский щит давно в Стамбуле
Померк от ржавчины и ран.
А русский дух к Босфору рвался.
И Скобелев, гроза войны,
Уже поднять тот щит собрался,
Уже стоял у той стены...
В крови история по локоть.
Но отводить не надо взгляд.
Для нас всегда Константинополь
Был с русским именем – Царьград.
И всё не кончатся набеги...
Уже полмира в мире том.
И где вы, римляне и греки?

А Русь и ныне – со щитом.
И вечно дует ветер славы
В тугие наши паруса.
И надо нам владеть по праву
Всем тем, что предок отписал.
Как незаконченное дело,
Нас ждёт Царьград в своих портах.
Нас ждут Босфор и Дарданеллы,
И щит Олега на вратах.

2021 г.

«Поэзия грехов не отпускает...»

Поэзия грехов не отпускает.
И если я по мелочи грешу,
Она меня к себе не допускает.
И я дышать дышу, но не пишу.
Завидую и ближнему, и дальним,
Что шепчутся в церковном уголке.
Они снесут грехи в исповедальню
И дальше согрешают налегке.
А тут никак не вымолишь прощенья.
Не вычеркнешь клеймления греха.
Поэту не прощает прегрешенья
Великая религия стиха.

2002 г.

Счастливая рубашка

Я родился в рубашке на вырост.
В необъятности мал да удал,
Развевался, как знамя навывнос,
И на полы её наступал.
Не умел я прилично одеться.
И сама она падала с плеч.
И терял я с беспечностью детской
Эту, в общем, бесценную, вещь.
И тогда попадал в передряги,
То по глупости, то сгоряча.
И дразнили меня буки-бяки,
Мол, рубашка с чужого плеча.
То бродил я под Нижним Тагилом,
То по склону полярного дня.
Но рубашка сама находила
Непутёвого парня, меня.
Был я гол как сокол. И едва ли
Понимал, что в рубашке успех:
Ведь за шиворот всё-таки брали
И тащили за ворот наверх.
А однажды рукав пригодился.
Кто-то взял за него, крикнул: «Стой!»
Понял я, что в рубашке родился

В полушаге от смерти литой.
С той поры на гладильную доску
Я её, накрахмалив, кладу.
Продлеваю счастливую носку.
И счастливую вижу звезду.
Вознесётся душа нараспашку
На закате последнего дня.
Я оставлю для сына рубашку,
Хоть на вырост, да все же своя.

2006 г.

«Непониманье – смертный грех...»

Непониманье – смертный грех.
Мы потому и помираем,
Что жизнь, как главный свой успех,
Трагически не понимаем.
Нам выпал шанс на миллиард:
Мы все – избранники Вселенной!
Живи и будь лишь этим рад.
Но нет, нас мучают сомненья.
То злость, то зависть душат нас.
Мы жизнь свою берём за горло
И к ней цепляем «прибамбас»,
И «навороты» носим гордо.
Стремимся быть успешней всех.
А вот понять того не можем,
Что жизнь – единственный успех,
Преуспеванье в жизни ложно.

2003 г.

Баянист

Весну играет баянист,
Подсевший в наш электропоезд.
И ноты – ввысь. А пальцы – вниз.
А музыкант без ног по пояс.
Но он на жалость нас не взял,
А взял талантом на поруки.
Ему и ноги Бог отнял
За то, что дал такие руки.

2002 г.

«И никакого вдохновенья...»

И никакого вдохновенья.
И нет поэзии в судьбе.
Искусство слова – избавленье
От наболевшего в тебе.
Самолечение – вот основа
Всего написанного мной.
Я просто мог лечиться словом,
Как звери лечатся травой.

2002 г.

«Моя страна – каменотёс...»

Моя страна – каменотёс
В веках вытачивает русло,
Зовётся и несётся Русью,
Вскипая пеною берёз.
Накрыла нас глухая весть.
И камни прыгают по следу.
Дотянем вряд ли до победы,
Но стать героем время есть.
Мы рвём арканы кадыком.
И головы, как камни, седы.
Пусть не дотянем до победы,
Так хоть дотянемся штыком.
В потоке времени броня
Царапает бока ущелий.
Глаза, как смотровые щели.
Полощут вспышками огня.
У нас мужик всегда солдат,
Пока бугрятся кровью вены,
Пока нас всех через колено
Не переломит пережат.
Но грудой сломанных хребтов
Точить ещё сподручней русло.
Несёмся и зовёмся Русью.

И не удержит нас никто.

2005 г.

Нация

На юг, на запад, на восток
Свой северный покажем норов.
«Мы – русские! Какой восторг!» —
Кричит из прошлого Суворов.
Над Куликовым меч поёт.
Над Бородинским ядра свищут.
Мы – русские! Какой полёт!
Нас понапрасну пули ищут.
Из ключьев тельников, рубах
Пусть мир сошьёт себе обнову.
Мы – русские! Какой размах!
Литая крепь меча и слова.
Солдатских кухонь пьедестал.
Навары заводских столовок.
Мы – русские! Сибирь... Урал...
И далее без остановок.
Мы на подножках у эпох
Под грохот революций висли.
Мы – русские! И видит Бог,
Что мы, как он, без задней мысли.
И нам без вести не пропасть,
В плечах могильный холм нам узкий,
Но и у нас смогли украсть

Одно столетье в слове «русский».
И сбита времени эмаль
С зубов, что губы закусили.
И всё-таки, какая даль
В славянском имени – Россия!

2007 г.

Русский, русскому помощи

Лёг над пропастью русский путь.
И срывается в бездну даль.
Русский, русского не забудь.
Русский, русского не предай.
Не ступили бы мы за край,
Да подталкивают враги.
Русский, русского выручай.
Русский, русскому помощи.
Грелась тьма у моих костров.
Никого корить не берусь.
Но, вставая из тьмы веков,
Русской силой держалась Русь.
Отслужила своё хлеб-соль.
Мир не стоит нашей любви.
Русский, русскому, как пароль,
Имя нации назови.
Перешёл в набат благовест.
И нельзя избежать борьбы.
Могут вынести русский крест
Только наши с тобой горбы.
Русским духом, народ, крепись
У последней своей черты.
Русский, русскому поклонись.

Русский, русского защити.
Душу русскую сохрани.
Землю русскую береги.
В окаянные эти дни
Русский, русскому помоги.

2007 г.

Амазонка

Сгинул с клёкотом ворон пропащий.
Раной рубленой вытекла даль.
Поцелуями камень наждачный
Молодит утомлённую сталь.
Таёт вымя в губах жеребёнка.
И отвар выкипает в огонь.
На высоком бедре амазонки
Дремлет меч, как мужская ладонь.
И ревнует клинок к рукояти
Эту сонно опавшую кисть,
Эти косы, что в нежных объятьях
Над вздыхающей грудью сплелись.
Меч скифянку ревнует к кинжалу,
К певчим стрелам, к седлу, к стременам.
Любит он, как по лезвию-жалу
Чутким пальцем проводит она.
Только в сече он – ярый любовник.
И в смертельном открытом бою
Рассекает сведённые брови
Лишь за взгляд на хозяйку свою.
Как кричит она в битве и стонет,
И щиты разрубает сплеча!
На скаку, заливая ладони,

Кровь чужая стекает с меча.
Белокурая смерть-синеока,
Влита в кожу косули до пят,
Как прекрасна она и жестока
Там... три тысячи вёсен назад.
Там, где только во сне и полюбит...
Дух сарматского пота с губ
Ветер смое. И меч погубит
Вожака, что насильно люб.
Но взойдёт запавшее семя.
И природа своё возьмёт.
Разрешится тугое бремя.
В землю меч от тоски войдёт.
И с рождением новой силы,
Чтобы русскую даль беречь,
Амазонка подарит сыну
Вместо первой игрушки – меч.

2009 г.

Дворняжка

Дворняжка билась на асфальте,
Как в клетке, в городе огромном.
Оркестр авто в столичном гвалте
Гудел ей маршем похоронным.
Располосована разметкой,
Вопила улица прохожим.
Но каждый был своею клеткой
От сбитой жучки отгорожен.
Шагали клеточные люди,
Глазами хлопали, как совы.
И в ржавых прутьях серых будней
Держали души на засовах.
И небо в клеточку – веками.
И были клетками машины.
И кровь на скорости лакали
Проголодавшиеся шины.
Но тут бедняге на подмогу
Метнулся пёс дворовой масти.
Он светофором врос в дорогу:
Язык горел, как «красный», в пасти.
И, словно ход врубили задний, —
Машины сшиблись в автобунте.
Металл проникся состраданьем.

А жезл глазел из клетки-будки.
Текли в рыдавшие моторы
Слезой горючей бензобаки.
Им заплутавший ворон вторил,
Что люди злее, чем собаки.
А души? Души человечьи
Рвались в заклинившие двери —
Протоколировать увечья
И компенсировать потери.
И встали намертво колёса.
Толпа зевак всю зевнула.
Кропя разметку мочкой носа,
Собачка хвостиком вильнула...
Не нам, двуликим и двуногим,
До самых глаз заросшим делом,
А – Псу, тащившему с дороги
Её расшибленное тело.
Деревья к ним склоняли ветки.
Махало небо вольной стаей.
Собаки вырвались из клетки.
А люди... люди в ней остались.

2010 г.

«А жизнь ласкает отчаюг...»

А жизнь ласкает отчаюг
И против шерсти гладит,
Ударом в челюсть кормит с рук,
Но прикрывает сзади.
Хоть пуля в грудь, хоть ножик в бок,
Не вредно для здоровья.
Не бережёных любит Бог
Отчаянной любовью.
И посылает на рожон
В постиранной рубахе.
И если посылает жён,
То – кротких, как на плахе.
Они рожают без конца
Детей мужского рода.
Чтоб после, хоть один в отца
Да выправил породу.
Таких немало на Руси.
Но всё же больше надо,
Кто мог бы отчество носить,
Как высшую награду.

2010 г.

«Планеты в кратерах, как в сотах...»

Планеты в кратерах, как в сотах,
Мне видятся издалека.
Я никогда на тех высотах
Не окажусь, наверняка.
Со звёзд, светящихся, как щёлки,
В полночной кровле напролёт,
Метеоритовые пчёлки
Не для меня собрали мёд.
Туда для званого обеда
Сквозь галактическую тьму
Мой светлый правнук вместо деда
Войдёт, как пасечник, в дыму.

2010 г.

Огурец

Тебе печально, одиноко.
Ну, посмотри же, наконец,
С каким восторгом спелым боком
На солнце млеет огурец.
Его съедят. Ему осталось...
Он знает сам, что не жилец.
Но, между тем, не бьёт на жалость.
Какой, однако, молодец!
А ты, как сморщенная клизма.
Пойдём – на грядки поглядим:
Учиться надо оптимизму
У тех, дружок, кого едим.

2010 г.

Изба

Октябрь споткнулся на пороге.
Всему – осенняя судьба.
А по заброшенной дороге
В последний путь идёт изба.
Сбивая в кровь венцы босые,
С дырявой кровлей набекрень —
Бредёт на кладбище России
Для недобитых деревень.
Сюда, почувствовав кончину,
Со всех оплаканных сторон...
Сюда, на кладбище Отчизны,
Без панихид и похорон...
Оно – везде. Шагни с угора
За горизонт... Оно – везде...
И перерезанное горло
Тропы в заросшей борозде.
И крик ворон в костлявых кронах.
Колодца выклеванный глаз.
В ослепших окнах, мёртвых брёвнах
Безбожья сумеречный лаз.
Коньки, проваленные в срубы.
Заборов-бражников загул.
Взамен крестов печные трубы

Несут печальный караул.
Когда-то было здесь крылечко.
Вот столб остался от ворот.
На дальнем взгорочке у речки
Изба на кладбище идёт.

2010 г.

Женева

Как холодно, кощунственно и странно,
Спасённая по тайному приказу,
Глядела на израненные страны
Женева, не бомблённая ни разу.
Её хранили войны мировые.
Ни Гитлер не задел её, ни Сталин.
Женева раздавала чаевые
За то, что убивать не перестали.
От крови пухла банковская пачка,
Давясь кусками плоти и металла.
И всё цела швейцарская заначка,
Хранимая жрецами капитала.
И новой бойне дать на лапу рада.
И видно, как у врат земного рая
Потомки «золотого миллиарда»
Костями человечества играют.

2010 г.

Ёлка

На Соборную площадь Кремля
Увозили убитую ёлку.
Заживляла мучительно долго
Отсечённые корни земля.
Пня культую бинтовала метель.
Ночь седела за лунным оконцем.
И кружились пластинкою кольца,
Напевая беззвучно про ель.
И строгая лучины лучей,
Солнце зимние дни разжигало.
А убитая ёлка сияла
В ритуальных огнях палачей.
И замёрзшие комья земли
Разбросав по весёлой Соборной,
Попрощаться с казнённою кроной
Отсечённые корни пришли.
И рванувшись по праздному злу,
По «безлюдью», что ёлку отпело,
Страшный пень обезглавленным телом
Привалился к родному стволу.

2010 г.

Защитник

Я помню, как на солнце щурился
И «пендаль» бил «сухим листом».
Играли «улица на улицу»,
Чтоб за страну играть потом.
Футбольной одури зачинщики.
С мячом лихая беготня.
И всегда полузащитником
В команде ставили меня.
Я никогда мячом не жадничал,
Хотя обводочку любил.
Я пасовал, финтил, отважничал.
И сам однажды гол забил.
И целовал я кеды рваные,
И в грудь стучал, собою горд.
Но вдруг ослаб, как будто раненный,
Когда и нам вlepили гол.
Качал над полем ветер соснами.
А я всё хуже с ходу бил.
И всё вернее и осознанней
Я вглубь защиты уходил.
К штрафной смещался и к воротам я.
Колен сургучная печать.
Лодыжка майкою замотана.

Всего труднее – защищать.
Вратарь пружинисто сутулился.
Я заслонял его, как дзот.
Я был защитник нашей улицы
И нашей чести у ворот.
Но детство кончилось тогда ещё.
А нынче страшно от того,
Что слишком много нападающих,
А вот в защите – никого.

2010 г.

«А на весеннем фронте все свои...»

А на весеннем фронте все свои.
Пароль один: «Влюбляться до конца!»
И бьют очередями соловьи,
Сражая неокрепшие сердца.
А возраст мой непризывной, как дед,
От приворотных пуль заговорён.
Но я срываю лет бронезилет:
Эй, соловей, не пожалей патрон!
Вали меня, ночные снайпера!
Жизнь – скоротечный и неравный бой.
И вся в цвету, как в белом медсестра,
Черёмуха склонится надо мной.

2010 г.

Зимний народ

Зима научила кострам
И шапкам-ушанкам, и шубам,
Деревьям, поваленным в срубы,
Взлетающим с плеч топорам.
Зима научила стогам
И песням про русскую тройку.
Любую дорогу и тропку
Зима приучила к снегам.
И выюгами высекла грудь.
И сбила в полозья колёса.
Невиданный бросила путь
Под ноги великого росса.
Мы скованы стужей в народ.
В железо нам выкалил нервы
Холодный кутузовский год
И знатный мороз в сорок первом.
Зима – наша белая кость
И самая гордая сказка.
От Балтии русский авось
Катал снежных баб за Аляску.
Мы – русские – зимний народ.
Бессмертие в душах озимых.
И в топи вселенских высот

Уходит космический зимник.

2010 г.

Пугачёв

Ещё не кончен Пугачёв.
Хрипя словами грубыми,
Сжимаю Родину ещё
В объятьях рук обрубленных.
Цари скукожились в царьки,
Царицы стали цацами,
А мы, как были – мужики,
Так в этом чине царствуем.
В живой обруб гляди в упор:
Там кровь не запекается,
Сибирь течёт с Уральских гор,
Лихой народ стекается.
Не жмурь глаза, не солнце я,
И не упырь из полночи.
В острог был Катькой сослан я,
Не за кистень разбойничий.
Потёмкинцы... кто с нею был,
Тем всем за ночь – по ордену.
А я царице изменил
Своей любовью к Родине.
Глаза под лоб закатаны
От ярых дум заранее.
Пожизненная каторга —

Дорога к тайным знаниям.
По староверческим скитам
Бежал от псов науськанных.
Где православный образ – там
И правду славят русскую.
Я соль земли на ус мотал,
У ведунов выведывал,
Что всюду рус казаковал —
Евразией заведовал.
В истории не напоказ
Калёной шашкой машем мы.
И даже в имени – Кавказ —
Есть половина нашего.
Сарматы мы и скифы мы,
И асы мы, и каски мы...
И от Карпат до Тихого
Летела даль казацкая.
Она – в крови у нас с тобой.
Дышу надеждой лютою,
Что поспекает русский бой
За бунтами да смутою.
Станичник, Стенька, сердце рвёт.
И, разинщиной рощенный,
Я трижды подымал народ...
А дальше – ваша очередь.
Чихал бы я на царский трон,

Да не с моими нервами
Смотреть, когда со всех сторон
Обрезали империю.
Ну вот, гляди, была рука
И нет, как нет Варяжика.
У моря Русского бока
Черны турецким пляжиком.
А вон горшком летит с плетня
Родная Скандинавия.
А вы-то думали: меня
Гольштейны обезглавили?
От их предательских имён
Пошла Отчизна ранами:
С екатерининских времён —
Гольштейн-Готторп-Романовы...
Сломаешь, к дьяволу, язык.
И как обнять, прикинь-ка ты,
Софий-Амалий-Федерик...
В одной Екатеринке-то?
Душа у Катьки не губа:
Дурна и меньше vareжки.
Ей жмёт народная судьба,
Как на безногом валенки.
Надела русский псевдоним
Поверх немецких трусиков.
С Елизаветой взят Берлин,

А с Катькой сдали Пруссию.
За семилетнюю войну
У нас бы морда треснула,
Когда б она мою страну
Германцам не отрезала.
И саранче дала жратвы:
Чертям – черту оседлости.
И вот в характере Москвы —
Черты пархатой вредности.
Хотел я сабелькою трон
Почистить от акцентика,
Но били в спину Михельсон
И Деколонг прицельненько.
Хотел я плёткой казака
Взбодрить жидву дворянскую,
Да шпоры в жирные бока
Вонзить коню троянскому.
Полсвета – в пашню распахать,
Чтоб от Карпат до Тихого
Росла одна лишь благодать,
И никакого лиха нам.
Хотел Святую Русь вернуть
И жезл Ивана Грозного...
Да шеей воздуха глотнуть
Сподобился морозного.
Кому – под дых, кому – в лицо,

Кому-то – розог досыта,
А Пугачёву – «колесо»,
Чтоб докатить до Господа.
Ну, докатить-то докатил,
Да только не понравился, —
Ведь я при жизни первым бил,
Щекою не подставился.
Закрылись райские врата
Засовами и тучами.
И понял я, что у Христа
В героях – только мученик.
А мне в терпилах невтерпёж.
Я принял казнь играючи.
Меня и мёртвого не трожь.
Я – Емельян Иванович!
А дух бунтарский не в чести
У Нового Завета-то.
На небеса не по пути
С душою не отпетую.
И Стеньки нет на облаках,
Покуда мы не скромные.
Зато в ведических кругах
Мы с Колядой знакомые.
Уж Он-то знает, что почём:
Видать, причина веская —
Родиться Стеньке с Пугачом

В станице Зимовейская.
Слышал такую на Дону?
Там в гривах ветер мечется.
Наш род не царский, потому —
Мы родом из Отечества.
Вот кабы мне бы не лежать
Да на Болотной площади,
Вот кабы бабам не рожать
Да от кого ни попади...
Породу некому поднять.
Гляжу, без пугачёвщины
Плодит одна Отчизна-мать
Сплошную безотцовщину.
Не прячь улыбку, зимовей,
Под бородою бурною.
Хоть раз в столетье да разлей
По девкам семя буйное.
Мне самому-то недосуг.
Я в тридцать лет – не венчанный:
Со смертью обручился вдруг,
Развёлся по увечию.
Но, как вдовец двух войн, скажу,
Что третья – симпатичнее.
Я ей Европу наряжу
Столбами пограничными.
На карту Лиля поглядим.

Да я клянусь булатником,
Что Русь урезали на Рим,
На Русалим с Прибалтикой...
Как пугачёвская спина
Да грудь располосованы,
Так и Россия казнена
И так же колесована.
Её веками по частям
Дожёвывают челюсти.
И нету счёту челюстям
И всей кремлёвской челяди.
А ну-ка, вынь мне из плеча
Секиру-краснобровушку
Да я ошпарю палача
Своей мятежной кровушкой.
Давненько что-то не встаю —
Раскинулся равниною.
Подай-ка голову мою
С кола Екатеринына.
Да сдёрни ноги с колеса,
Где кости повылазили,
Где партизанские леса
Растут в Европу с Азией.
Давай и руки мне приладь.
Мои! На чёрта новые.
По всей Руси пойдёт гулять

Емелька четвертованный.
Туда, где в призрачной дали
Горят на пашне спинами
Пеласги – родичи мои
С моими палестинами.
Этрускам, вынянчившим Рим,
От разинского имени —
Этрускам, родичам моим —
Кричу: «Я сердцем римлянин...»
Хоть раз бы к лютичам родным
Махнуть в Париж-Лютецию.
К венедам – русичам седым,
Заплыть разок в Венецию...
В навеки русские миры
Зовут славяно-арии,
Где для врагов – тартарары,
А для своих – Тартария!

2010 г.

«Словно зыбку планету мотало...»

Словно зыбку планету мотало.
Я в ночные входил небеса.
И седой головою Урала
Млечный Путь надо мной нависал.
Не летал, но не значит, что не был,
Если лёгкие в звёздной пыли.
Млечный путь – это скрепа для неба,
Как Уральский хребет – для Земли.
На отрогах вселенской опоры
Я колени о звёзды сбивал.
Млечный Путь и Уральские горы —
Как один над другим перевал.
Млечный отгиск Урала на синем
Проступает на память о том,
Что когда-то всё небо Россия
Подпирала Уральским хребтом.

2010 г.

«Осень, осень, листьев осыпь...»

Осень, осень, листьев осыпь.
По лесам сохатый гон.
И рогами сшиблись лоси,
Как отвесили поклон.
А в углу болотном тихом
Мох осокою прошит,
Там ничейная лосиха,
Как сокровище, лежит.
Ждёт она победы скорой
И достанется тому,
Кто сильнее, кто матёрый.
А выходит – никому.
Под размашистой осиною
В долгой схватке круговой
Разорвать быки не в силах
Мёртвой сцепки роговой.
Вот уж пали на колени,
Кровью брызжут из ноздрей.
И одной горбатой тенью
Замирают меж ветвей.
Утром вскинутся от страха
И один другого вспять
По кустам да пнёвым плахам

Станут до смерти таскать.
И в углу болотном тихом,
Где прошит осокой мох,
Испугает вдруг лосиху
Их последний дружный вздох.
Но она, не зная горя,
Убежит, как ни при чём,
И о них забудет вскоре
С первым встречным рогачом.

2010 г.

«Вздрогну я от небесного оклика...»

Вздрогну я от небесного оклика.
Снова птицы зовут, как родня.
И опять одинокое облако
Ясных глаз не спускает с меня.
А в груди – словно белочка цокает.
Поле ветром шумит, как полёт.
И тебе свою душу высокую
Бессловесная высь отдаёт.
Так легко, что немного и боязно.
И раскинутся руки опять.
И толчками далёкого поезда
Будет в сердце земля отдавать.
И осока ресницами влажными
Окунётся в озёрную тишь.
А под облаком явственно кажется,
Что лежишь на траве, как лежишь.

2012 г.

«В Белом море волны рыщут...»

В Белом море волны рыщут.
Рифы голодны с утра
И охотятся за днищем
Яхты юного Петра.
День и ночь идёт охота.
Гром хохочет, как упырь.
Метит молний позолота
Дальний берег, монастырь.
И епископской молитвой
Причастили уж царя.
Только лоцман, морем битый,
Ухмыляется не зря.
Он к штурвалу как прикован,
Как распятый на снастях.
Борода блестит подковой
На зажатых челюстях.
И выглядывают скалы
Из бушующей воды,
Из засады зубы скалят
В предвкушении еды.
– Эх вы, трусы! Не матросы!..
И – к штурвалу государь.
Тут возьми в горячке лоцман

Государя и ударь.
Мол, и сам тут за царя я,
Мол, штурвал свой, как жену,
Никому не доверяю,
Потому не потону.
Как сказал он, так и сделал.
Поседел не по годам,
Но причалил яхту целой
К Соловецким островам.
Пётр сошёл на берег скоро.
Сплюнул кровь солёных слов:
– Как зовут тебя, помора?
– Кормщик я, Антип Панов.
Грянул царь при всём народе:
– То, что врезал, не жалея.
За удар по царской морде
На, Антип, семьсот рублей.
Подарил кафтан помору,
Даже шапку дал свою...
Хорошо бы, в нашу пору
Врезал кто-нибудь Кремлю.

2010 г.

Паводок

Эх, снега... за былую красу
Да не будут помянуты лихом.
Как цыганка, гадает скворцу
На ладонях проталин скворчиха.
Потеряла река берега.
А сугробины тают и тают.
На широкую ногу снега
С половодьем в обнимку гуляют.
Будто знают, что жизнь коротка,
Что опять их пичуги отпели.
Деревушка плывёт в облака,
Словно яхта, под парусом ели.
По оврагу орущий поток,
Как драчун, где-то выломал доску.
В поле бывшей метели шматок,
Как рубахи разорванной лоскут.
По России зима и весна
Снова сходятся стенка на стенку.
Каждой луже дорога тесна.
Только лесу разлив – по коленку.
Пашня тянет надувы взасос,
Благодарная давним позёмкам.
Что январь белозубый нанёс,

То целует апрель чернозёмный.
Ярый паводок льёт через край.
Снеготал – по логам да распадкам.
Напоследок, хотя, погуляй!
Есть у русских такая повадка.

2011 г.

По следам

Я лоб наморщину для виду,
Извилины все на прягу,
И всё же понять пирамиду
Я, честно скажу, не могу.
В ней камни так слитно, как клетки
В живом организме, лежат.
К тому, что оставили предки,
Мы движемся – строго назад.
Мы всё ещё их догоняем,
Хотя перешли на сверхзвук.
И тайны миров открываем,
Влезая в их старый сундук.
Там много чего, даже слишком,
Что нам не постичь никогда.
... Оплавлены ядерной вспышкой,
Лежат под водой города...
... И статуи острова Пасхи
Таят безответный вопрос...
... В Сибири гранитные плахи
Космических взлётных полос...
Всё было. И всё ещё будет.
И всё повторится опять.
И снова появятся люди,

По кругу идущие вспять.
Нас в будущем нет ни минуты,
Мы – в прошлом, мы всё ещё там...
Открыв колесо и компьютер,
Мы просто идём по следам.

2018 г.

Русский июнь

Двадцать второго июня
Треугольным письмом
Двадцать второе июня
В каждый приходит дом.
Взглядом смеётся юным
Выцветший в дым портрет.
Небо русским июнем
Льёт поминальный свет.
Солнечный и подлунный,
Помни, мил-человек:
В том, сорок первом июне,
Предан двадцатый век.
Двадцать второе июня —
Чёрно-белый рассвет.
Двадцать второе июня
Длится семьдесят лет.
И поцелуй иудин
К миру взасос прилип.
... Двадцать второго июня
Слышится смертный хрип...
Видишь, вдали и рядом
Тем же огнём войны
Свой «мировой порядок»

Выжег банк Сатаны.
Многих ещё придушит
Долларовый вампир.
Только по русским душам
Снова заплачет мир.
В бронзовой гимнастёрке
Вслед за июнем, знай,
Вновь пехотинец Тёркин
Миру подарит Май.

2011 г.

Молодая осень

Вот осень машет мне рукой.
За нею осень жизни – следом.
И обе думают при этом:
Неразговорчивый какой.
Нет слов. И я не виноват,
Что, как немой, встречаю осень.
Словами души говорят,
А мы их только произносим.
Душа забылась и молчит.
В поклоне я, как запятая.
А небо каплями стучит
И косяками облетает.
И я, признаться, встрече рад.
Но лет пятьсот хотел бы сбросить.
Я очень старый листопад.
Ты слишком молодая осень.

2011 г.

Поминки по Победе

То ли память размыли пробелы,
То ли правды в истории нет,
Но безвременно гаснет Победы
Неизбывный, казалось бы, свет.
И парады всё скорбней и глуше.
А ведь столько сломали штыков,
Столько жизней отдали Ей лучших,
Чтоб сияла во веки веков.
Столько крови течёт в Её жилах.
Столько славы в Её голосах.
Столько Родина песен сложила
О Её благородных творцах.
Да и вышла Она из народа.
И такая Ей сила дана,
Что весна сорок пятого года
Никогда отцвести не должна.
Но знамёна, как старые раны,
Кровоточат под гримом шумих.
Нет надежды в глазах ветеранов
На сынов и на внуков своих.
И в равненьи шеренг на трибуны
Нет, как прежде, равненья на флаг.
Костный пепел вгрызается в урны.

И брусчатка не слушает шаг.
Бьёт ударник под дых барабану.
И «ура» не взлетает в зенит.
Историческим пахнет обманом,
Что и в вечном огне не горит.
Как поминки по русской Победе,
Власть-иуда справляет парад.
В «миру – мир» заигрались, как дети,
Мы – потомки великих солдат.
Напороться на штык в рукопашной
Или броситься грудью на дзот...
Умирать за Победу не страшно.
Страшно, если Победа умрёт.

2011 г.

«На подбородке шапка бороды...»

На подбородке шапка бороды,
А на затылке лысины коленка...
Неужто, человечество-калека,
Ещё ты веришь в райские сады?
Душа планеты покатила вниз.
И рвётся ввысь поэзия при этом.
Но популярней лучшего поэта
По «Европьюс» воспетый футболист.
Бессменна власть рвача и палача.
Поэзия – изгой телеэфира.
И тайный взрыв решает судьбы мира,
Как некогда решал удар меча.
Лохмотья государственных границ.
Осечки слов. Доверие к патронам.
И с мудростью, достойной фараонов,
Глядят юнцы из цинковых гробниц.
Любви и чести лёгкая броня.
Поэзия не ангел и не агнец.
Какой бы ни поставили диагноз, —
В составе крови не найдут вранья.
Банкиры бредят новой мировой.
Дымится африканская пустыня.
Китай – в засаде. НАТО холостыми

Уже палит над русой головой.
Рассадники мозолей и горбов.
Свобода совести гуляет в Мекке,
А наша совесть в безнадёжном веке
Сидит в кавказских ямах для рабов.
И пролетает глобус между ног.
Насилуют улыбку Моны Лизы.
И Шар Земной напоминает клизму,
Что роду человеческому впрок.
Живём на свалке телетребухи.
И смерть заверена печатью солнца.
Молитвами поэзии спасётся
Лишь тот, кто знает русские стихи.

2012 г.

Чужие роли

Сломалась мимика. Не удаются роли.
В душе один, а на лицо – другой.
И выраженья радости и боли
Не отличишь теперь между собой.
Но не спеши завидовать актёрам,
Политикам, врунам и подлецам,
Подобно дрессированным жанглёрам
Играющим на мускулах лица.
Мы все – на перевёрнутом пароме,
И Шар Земной висит вниз головой,
Пока талант – играть чужие роли —
Главней таланта быть самим собой.

2013 г.

Лесное утро

Вы слышали рассветных птиц?
Многоголосие лесное —
Как будто смех вязальных спиц
И звон далёких колесниц
И шорох талых льдин весною.
То вскрик, то вздох, то будто стон
Ведро упавшего в колодец.
Протяжный шум со всех сторон.
Деревья сбрасывают сон
И грусть минувших непогодиц.
В ручьях кипение росы.
Камней подводных бормотанье.
И – будто тикают часы,
И свищут клювики, носы,
И булькают рыбёшки ртами.
Дворняжка, тронувшая цепь.
За шторкой притаился ветер.
Костёр трещит... А, может, вепрь
Качнул бронёй тугую крепь
И в дрёму рухнул на рассвете.
С утра не все поют сперва,
Но тут же все вступают вскоре —
И, птичьи путая слова,

Поют, кто – в лес, кто – по дрова,
Как мы когда-то в школьном хоре.
И всплески мельниц водяных.
И ботала коней табунных.
И звёзд увядших ломкий жмых.
И голоса миров иных.
И жаркий бред признаний юных.
Смешалось всё в рассветный гам,
В неразбериху пробужденья,
И всё слилось – от птичьих гамм
До первых «здравствуй» по утрам —
И всё достойно продолженья.

2018 г.

Любовь

Любовь – наверно, то, что быть должно?
Любовь – наверно, то, что быть не может?
Да нет, она идёт с тобой в кино,
Она бежит мурашками по коже.
Она, как ты и я, как мы с тобой,
Она, как все – не лучше и не хуже.
Но иногда становится судьбой,
А иногда простой служанкой служит.
Любовь?.. А как узнать её, скажи?
Одно лишь про неё известно точно:
Любовь, она всегда – длиною в жизнь,
А без неё заметно жизнь короче.

2014 г.

Золотая середина

Не хватает мне детской фантазии
Всё представить, как было в начале...
Провожали закаты мы в Азии,
А рассветы в Европе встречали.
И на двух континентах сразу мы
Проживать умудрялись без тягот.
За грибами ходили мы в Азию,
А в Европе давились от ягод.
И дружили с Бажовскими сказами.
И в футбол по-уральски играли:
Получив передачу из Азии,
Мы в Европе голы забивали.
То по горным вершинам мы лазили,
То тянуло в таёжные топи.
Не хватало Европы нам в Азии,
А её не хватало в Европе.
Не кидались высокими фразами,
Только с детства нам верилось сильно,
Что граница Европы и Азии —
Золотая середина России.
Пронеслись времена. Было разное.
Только держится мир, как в начале,
На границе Европы и Азии,

На Уральском хребте, на Урале.

1999 г.

Живодёрня

Как вам на вкус кровавые слезины?
А как – стальные крючья под бока?
И корчатся в агониях витрины
Бессмертные шедевры мясника.
Звонят из ада черти на мобильник:
Гореть в огне за каждый эскалоп...
«Макдональдс» – мировой скотомогильник,
А гамбургер – полузакрытый гроб.
Стада говяжьих. Табуны конины.
Идёт по трупам мясокомбинат.
Жестокостью торгуют магазины,
А люди покупают и едят.
Как место казни выглядят обеды.
Зубами плоть линчует человек.
Звериным аппетитом мясоеда
Икает за столом пещерный век.
У первобытных слишком многолюдно.
Шагает эволюция назад,
Когда на живодёрне ваше блюдо
Готовит электрический разряд.

2013 г.

Рыночный народ

Нам рынок подсыпают, как отраву.
Два пальца в рот – достоинство и честь.
Прощай, литературная держава.
Да здравствует курительная смесь.
Мы в обществе теперь, как будто светском.
Плеяда недоделанных господ.
Народом русским были и советским,
Теперь, как будто – рыночный народ.
Безлюдные духовные столицы.
Таскаемся задворками умов.
На зависть небоскрёбной загранице
Не строим небоскрёбы из томов.
И в обморок мы валимся как будто...
И наркоту толкают нам не зря —
Чтоб нашатырь отечественных бунтов
Не чуяла народная ноздря.
Нас переводят на больную пищу.
Глотаем заменители добра.
И Родину, как выдавленный прыщик,
Зелёнкой баксов мажем до нутра.
И вылезла в правители нажива.
И по карманам – золотой запас.
И жадный отблеск золотая жила

Вонзает в сердце каждого из нас.
И мы уже, как будто – не по праву,
И словно мы уже – не на века.
Но справедливости былая слава
Ещё не позабыла нас пока.
... Давно ли мы коней поили в Сене?
И полз от нас Рейхстаг, как осьминог.
Крутили самокрутки на колене,
Когда весь мир лежал у наших ног...
На торгашей мы сроду не похожи,
У нас в душе – космический полёт.
И с чипом пугачёвщины под кожей
Какой мы, к чёрту, рыночный народ?

2018 г.

Стихотворец

Не ждите спокойного тона
И бережных слов от поэта.
Поэт – он навроде симптома
Двуногой болезни планеты.
Он – крик человеческой жизни,
Распятой религией денег,
Где власть присягнула наживе
И сходит с ума от владений.
Он – плач и торжественный рокот.
И ропот пробуренных скважин.
Он – острый рассерженный локоть,
Что в бок человечеству всажен.
Он с первой строки у барьера
Стоит на правах дуэлянта
И целится в жадную эру
Всей мыслью и чувством таланта.
Сражаться на поприще века
(Ни рыцаря, ни полководца) —
Сражаться за честь человека
Земля создала стихотворца.
И в этой космической роли
Он будет до крайнего срока
Настаивать правду на боли

И с кровью выталкивать в строки.
И можно за то поручиться,
Что горьким лекарством страницы
Хоть кто-нибудь будет лечиться
В его стихотворной больнице.

2012 г.

Метеорит

Заблудший сын вселенской дали,
Незванный гость, метеорит,
Отбросив в воздухе сандалии,
В окно взрывной волной стучит.
Он послан сверху в назиданье,
Чтоб нам напомнить через страх:
Мы проживаем в мирозданье,
А не в квартирах и домах.
Дворцы, понты и навороты —
Олигархический утиль —
В один присест болид залётный
Сотрёт в космическую пыль.
Но мы трагически забыли,
Что все земляне – земляки,
И по-людски давно не жили,
Засунув Бога в кошельки.
И жрали войнами друг друга.
Тащили кость из пасти в пасть.
Изгой солнечного круга.
Рабы, придумавшие власть.
Объелась жизнь насущным хлебом.
И совесть вымерла, как стерх.
А надо было рваться в небо:

Его хватило бы на всех.
Но для самой вселенской плазмы
Мы стали болью головной, —
И в нас бросает высший разум
Метеоритной головнёй.

2013 г.

Магнитное поле

Под Солнцем идём нараспашку,
Галактике в доску свои.
Досталось и нам на рубашку
Магнитного поля Земли.
Дымиться бы нам головнёю,
В рентгеновском пекле... Но нет:
Магнитное поле земное —
Космический бронезилет.
Завидуют нам издалёка
Меркурий, Венера и Марс:
Их солнечный ветер жестоко
Сжигает и в профиль, и в фас.
Летят к нам, как черти из ада,
Скитальцы созвездий иных.
Но звёздных разборок не надо, —
Хватает у нас и своих.
Пускай гуманоидным тельцем
Присядут за нашим столом,
А мы по тарелкам пришельцам
Горячие щи разольём.
Научим их жить нараспашку,
Не прятаться в звёздной пыли.
Такие уж мы, землепашцы

Магнитного поля Земли.
Прямые наследники сказки
Последней планеты живой,
Где вечность рисунками Наски
Автограф поставила свой.
Дыши до глубокой затяжки!
Живи во вселенской дали,
Родившись в счастливой рубашке
Магнитного поля Земли.

2013 г.

Ген Победы

Покрывается тело земное
Метастазами натовских баз.
Ген Победы, вживлённый войною,
Пробуждается в каждом из нас:
... В русском, русиче и украинце,
В белорусе, буряте, мордве...
Ген Победы в имперских границах
Присягает, как прежде, Москве.
Он не знает советских развалин,
Никогда не признает распад.
Ген Победы – имперское званье.
Ген Победы – бессмертный солдат.
И, встречая военные беды,
Как былая имперская рать,
Мы поднимемся с Геном Победы,
Чтоб потомкам его передать.

2018 г.

Автобиографическое

В деревне валенки валяли
И величали их «пимы».
Лежал Урал, как наковальня,
Под гулким молотом зимы.
Летали искры снегопада.
Трещали печи от огня.
И в эту пору было надо
На белый свет явить меня.
Декабрь выхаживал младенца,
Пелёнки мёрзлые менял.
Зима укладывала с детства
На наковаленку меня.
Слегка обстукивала тело.
Но с прибавлением годов
Вгоняла в нервную систему
Стальные иглы холодов.
Что не смертельно, то полезно.
И было содрано семь шкур.
Зато внутри я стал железным,
Надетым словно на шампур.
И ветер странствий без недуга
Насквозь продул меня не зря
И, окружив Полярным Кругом,

Швырнул в студёные моря.
Полундра. Палуба. Болтанка.
И, закаляясь докрасна,
Шипело тело, как болванка,
Когда брала его волна.
Судьба меня душила нежно,
Отжав последнее тепло.
Но был во мне природный стержень,
А он всегда всему назло.
Не зря, не зря железом сопли
Кузнец Урал мне вытирал,
И были Мурманские сопки
Похожи на девятый вал.
И я узнал, что наши стяги
От самых северных костров
Несли сарматы и варяги,
И шло спасенье с северов.
Природа русская сурова,
Порода русская строга.
И если ими ты откован,
То всё равно найдёшь врага...
Из битвы лозунгов матёрых
Я вынес логику крутых:
Война кончается для мёртвых
И бесконечна для живых.
А жизнь подобна серой стае.

И равен век длине клыка.
И человечество мечтает
Вонзиться в горло вожака.
И на земле многострадальной
Я для того теряю кровь,
Чтоб кинуть мир на наковальню
И всё же выковать Любовь.

2013 г.

Евроказнь

Не верь улыбкам европейских лиц,
Глазам, приклеенным к пустым словам.
Дельфины, чёрные, как датский принц,
Плывут на казнь к Фарерским островам.
Они на смерть из года в год плывут.
По рукоять вонзает в них кинжал
Международный Европейский суд
И вместе с ним Гаагский трибунал.
Швейцарский банк глядит из-под руки,
И смотрит в щели Бильдербергский клуб,
Как режет нож дельфиньи плавники,
И стон срывается с дельфиньих губ.
Но что Европе братьев меньших стон?
Она – подельник натовской шпаны.
Она была и есть Наполеон,
Которому Кутузовы нужны.
Она – строитель мировых руин:
Багдад... с Пальмирой на её счету.
Милошевич зарезан, как дельфин,
Заплывший за смертельную черту.
И океан краснеет от стыда
За дикарей Фарерских берегов.
И катится солёная вода

Большой слезой среди материков.
И прочь бежит растерянный Гольфстрим.
И звёзды отвернулись от Земли.
Европа, ты стреляешь по своим.
А мы тебя от Гитлера спасли.

2013 г.

Мель

У жизни кончился прилив.
Стекает время в глубь веков.
И обнажается извив
Твоих усталых берегов.
А было жизни – с головой,
По шейку было... и – по грудь.
И этой жизни роковой
Ещё горит бикфордов путь.
Обледеневший, как апрель,
Ты тянешь к пристани весны.
Но где-то там, под сердцем – мель,
И не хватает глубины.
Девятый вал твоих годов
Закаменел и бьёт, как риф.
Отлив друзей, отлив врагов
И крови, кажется, отлив.
А трюмы прошлого пусты.
А впереди – сыра-земля.
И волн тяжёлые усы
Висят под носом корабля.
Тряхнуть бы надо стариной.
Но у тебя – отлив. И ты
На берег выброшен волной

Неодолимой широты.
Среди всплывающих камней
Прибой несёт дыханье дна.
И мель твоих последних дней,
Как дно могилы, холодна.

2013 г.

БМП – 15 000

Двадцать пять... Возраст нашего праха.
Нам бы было по сорок с довеском.
Мы легли на афганскую плаху
Первой ласточкой в крахе советском.
Обливаясь то кровью, то потом,
Растеряв ордена и медали,
Мы на братских машинах пехоты
Между адом и раем застряли.
Мы – нигде. Мы – в обломках державы.
Нас не вывели. Дело не в ранах.
Умирала страна... и лежала...
И летела на «чёрных тюльпанах».
Мы вернёмся оттуда едва ли:
Через смерть – никакой переправы.
Но ведь мы не за то воевали,
Чтобы с нами погибла держава.
Не за то, чтоб в афганских хибарах
Наши пули оставили дыры.
Не за то, чтоб Квачков и Хабаров
Нам приснились в тюремных мундирах.
Не за то, чтоб повзводно, поротно —
Вывод войск... на чеченскую бойню...
Не за то, чтобы списки «двухсотых»

Голосили родительской болью.
Не за то!.. Ни за что!.. И бессильно
Тени мёртвых к Термезу бежали.
Не войска... выводили Россию
Из состава великой державы.
Кто-то бьёт по своим, понимаешь!?
Что ж ты красную пену глотаешь?
Понимаешь, когда погибаешь...
И себя, как патрон, досылаешь.
И берут БМП строем ржавым
Между раем и адом высоты.
И лежит с нами вместе держава
В наших братских могилах пехоты.

2014 г.

Будем

Когда-нибудь люди бессмертными станут,
Когда-нибудь люди от жизни устанут,
И всё им наскучит, и всё надоест, —
Тогда же наступит и света конец.
Но к жизни покуда не кончилась жажда,
И в лёгкие воздух врывается жадно,
Покуда всегда не хватает глотка,
Покуда нам жизнь позарез коротка,
Покуда за жизнь мы готовы сражаться,
Мы будем и гибнуть, и снова рождаться,
И будем от счастья и боли кричать,
И волею к жизни планету вращать.

2015 г.

Другая жизнь

За столом на Дне рожденья
Гость загадочный сидит.
Он пришёл без приглашенья.
У него печальный вид.
Гость непрошенный, неожиданный.
По годам – такой, как я.
Кто ты, кто ты, гость незванный?
Гость ответил: «Жизнь твоя».
Как? А разве мы не вместе?
Не могу тебя узнать...
Провалиться мне на месте, —
Жизнь нельзя забыть, как мать.
«Да. И я тебя не знаю.
Так, случайно забрела.
Не волнуйся, я – другая,
Та, что сбыться не смогла.
Из меня давно ты выбыл.
Только это не беда:
Просто ты другую выбрал,
Так бывает иногда.
Ничего нельзя исправить.
Но былое не тревожь.
Я пришла тебя поздравить

С тем, что выбор твой хорош».

2013 г.

«Когда посеют в землю тело...»

Когда посеют в землю тело,
Ты не пугайся, что темно.
Представь, что ты созрел для сева,
Представь себе, что ты – зерно.
И над твоим захороненьем
Не медь взойдёт и не гранит,
А колос новых поколений
Взметнётся в солнечный зенит.
Ты был и есть и будешь снова.
И пусть тебе закрыли рот.
Но в землю брошенное слово
Глубоким смыслом прорастёт.
Увидишь во вселенской сини
Своей души летящий бег.
А эта жизнь – всего лишь символ
Того, что смертен человек.

2014 г.

Вечный государь

О «русском мире» вспомнили сквозь зубы.
И Русский Дух выходит по «удо».
Спешит к нему навстречу с лестью грубой
Сановная гоморра и содом.
Опять нужны стране стальные нервы
И слово «Русь» калибра слова «рать».
...Так Сталин вспомнил русских в сорок первом,
А в сорок пятом начал забывать...
Поплёвывая в русские колодцы,
Россию спутав с проходным двором,
Сменяются на троне инородцы
В текущем веке, так же, как и в том.
Но, варево истории глотая,
Они плывут в расставленную сеть:
У мошиахов рыбглазой стаи
Одна в России участь – обрусеть.
И пьют они за русское здоровье.
И в жерновах стираются дотла.
И много выкипает разной крови
В былинной магме русского котла.
И знает белый свет, кто мы такие!..
И с нами даже те, кто против нас.
Вернули Крым. Но потеряли Киев,

Как трубку в скачке выронил Тарас...
И всё гремит с «Авроры» выстрел в спину.
Всё ближе НАТО к атомным куркам.
И кажется, что взводят Украину,
Как дремлющий Чернобыльский вулкан.
И ждёт Белград отмщенья, и Цхинвали.
И всё сильнее чувствуется жар.
И столько дров в России наломали,
Что хватит их на мировой пожар.
Но наша память, крепкая и злая,
За каплей капля и за пядью пядь, —
Всё, до последней пули в Николая,
Отныне будет только возвращать.
И ширится шестая часть планеты
Молитвами космических высот.
Сменяются вожди и президенты,
Но продолжает царствовать Народ.
Спираль веков проходим, как свеченье,
Как пуля ствол проходит нарезной.
И тот, кто выбирает нас мишенью,
Уже сражён своею же войной.
Расколота русская равнина
Срастается у мира на виду.
Подняться евразийским исполином
Начертано России на роду.
И вновь свои распушенные орды

Скликает Русь. И бьёт в набат звонарь.
И Русский Дух имперскую свободу
Дарует всем, как вечный государь.
И этот мир вникает понемногу,
Что против нас уже не повернуть.
Одна у человечества дорога —
Загадочный, как Млечный, Русский Путь.

2014 г.

Ответ украинке

Да, вы – крайние, мы – бескрайние.
Но я рядом с тобой стою.
И я знаю, моя украинка,
Каково тебе на краю.
То бросаться на поле дикое,
То – под свастичную броню...
Если хочешь быть – будь «великою»,
Только дай сперва заслону.
Ты напугана и растеряна
И не те говоришь слова;
Только грудью своей простреленной
Дай прикрою тебя сперва.
Я всегда это делал вовремя.
Но теперь времена не те.
И в когтях полосатых воронов
Ты не чувствуешь их когтей.
И забыла про наших пращуров.
И кричат в тебе боль и страх.
Мы с тобою – «родня незрячая»,
Потому что глаза в слезах.
Но, обиду смахнув украдкой,
Я тебя к груди притяну,
И за счастье твоё, украинка,

Я пойду на твою войну.
Ты нашла во мне виноватого.
Я желаю тебе добра.
Никогда ты не станешь братом мне,
Потому что ты мне – сестра.

2014 г.

Возвращение памяти

Постройте павших на парад.
С победным кличем и со стонами,
Неся огонь и дымный смрад,
Пойдут убитые колоннами.
В дырявых касках из войны
Пойдут коробками парадными
Отчизны верные сыны,
Звеня посмертными наградами.
В повязках, цвета спелой ржи,
Они пойдут по Красной площади.
А впереди – желанье жить,
Как генерал на белой лошади...
А вы, потомки, вы потом,
Торгуя славой исполинскою,
На них обрушите бетон —
Стеной придавите берлинскою.
... И марширующая смерть,
Держа равнение из темени,
В упор на вас начнёт смотреть
Очами, выжженными временем.
И вы, не поднимая глаз,
Поймёте целым поколением,
Что те, кто шёл в огонь за вас,

О вас другого были мнения.

2014 г.

Новороссия

Сиротеют дома ополченцев.
Горсть земли и поклон до земли.
Жили бедно, но умерли честно, —
Это всё, что покуда смогли.
И отдали последние силы
Той мечте, что зовёт и зовёт:
Новороссия – образ России,
О которой мечтает народ.
До которой последнего шага
Не хватало всегда... И опять
К справедливости вечная тяга
Заставляет идти умирать.
За Россию, какой не бывало,
В безответно любимой стране
Сколько верило, столько и пало
В бесконечной гражданской войне.
За декреты про землю и волю...
За звезду без креста... За Донбасс...
Отзывается старую болью
Новороссия в каждом из нас.
Снова верим во власть без обмана,
В то, что жизнь не дороже идей,
Что прольётся небесная манна

На простых работающих людей.
И в рождение новой России —
Вековечной народной мечты —
Верим так безнадёжно и сильно,
Как цветут на могилах цветы.
Только траур до дыр не носите
И не плачьте над «ратью святой»...
Новороссия станет Россией.
А мечта так и будет мечтой.

2014 г.

Крайняя минута

Последнее желание мужчины,
Пока ещё глазами не померк:
Простить врага, принявшего кончину,
Влюбиться в ту, которую отверг.
И пожалеть о молодом да раннем,
Когда рубил под корень и сплеча,
Когда любил и в то же время ранил
И был, как лёд, холодным сгоряча.
А память на дыхании последнем
Уже прощальный делает виток,
Забыв о тех, кому ты стал спасеньем,
Но помня тех, кому помочь не смог.
Перебираешь в крайнюю минуту
Не то, что можно взять на пьедестал,
А начинаешь думать почему-то
О том, что ты нечаянно сломал.

2014 г.

Севастополь

Мне в Севастополь – позарез!
Там под асфальтом – Херсонес.
Там на таврический манер
Стихи читает сам Гомер.
Там отдыхает от атак
У Македонского Спартак.
И в каждой глыбе там, как миф,
Живёт мой предок – тавроскиф.
Его суровые черты
В обрывах скальной красоты.
И скифским золотом горит
Над морем солнечный зенит.
Прибойный блеск. Причальный плеск.
Мне в Севастополь – позарез!
Там в потускневших орденах
Всплывает память на волнах.
Корнилов там и Ушаков
Стоят в разрыве облаков.
А в горле бухт – солёный ком —
По тем, кто стал бездонным дном.
Над ними каменный орёл
Парит, как славы ореол.
И бьют ветра со всех сторон

В тугие крылья оборон.
И каждый памятник, и дот
Хранят в себе победный год.
Победный дух. Победный стяг.
И не родится сроду враг,
Который прахом не падёт
У Севастопольских ворот.
Здесь русской доблести венец...
Мне в Севастополь – позарез,
Чтоб просто положить цветы
На край обветренной плиты,
Где севастопольская рать
Вошла в гранит по рукоять.

2014 г.

«Затяжная русская весна...»

Затяжная русская весна,
Как прыжок с десантным парашютом,
Ты себя сквозь осень пронесла
И уходишь в зиму, кроме шуток.
Плачет снег, расплавленный свинцом.
Сыплет «Град» разорванным железом.
И глядит Америка в лицо
Натовско-бандеровским обрезом.
У Европы память коротка, —
Вечный враг мечтает о реванше.
У войны тяжёлая рука,
Но навряд ли тяжелее нашей.
Мы с востока, мы глядим на свет
И владеем солнечным наделом.
А на западе рассвета нет, —
Там закат из власти черно-белой.
Мы в распяты не вбивали гвоздь.
Русь вошла по шляпку – до победы,
Как географическая ось
Этой удивительной планеты.
Шар Земной в космических мирах,
Козыряет нашей русской силой.
И с весенней вербою в зубах

Небу улыбается Россия.
Отогрелась зимняя страна,
Возвращая кровные владенья.
Затяжная русская весна
Выбирает место приземленья.
Нам давно пора, в конце концов,
В русское поместье родовое.
Но когда мы выдернем кольцо,
То полмира куполом накроем.

2014 г.

Тавро пирамиды власти

Веры в призрак народного счастья
Я давно нахлебался сполна.
Мир прижат пирамидою власти,
Целый мир, а не то что – страна.
От рожденья до крайней минуты
Только кажется нам, что живём.
Возвышают послушных и гнутых,
А прямых зарывают живьём.
По указке рокфеллерской знати
Нас в одну загоняют судьбу.
И тавро треугольной печати
У семи миллиардов на лбу.
Сколько нас, не простивших обиды,
Сколько нас, презирающих смерть...
Кто на вытекший глаз пирамиды
Хоть разок бы хотел посмотреть?

2015 г.

Смерч времени

Несётся время, как табун,
Не знающий поводьев,
Осколки солнц, обломки лун
Дробя на мелководье.
Мгновенья брызжут вразнобой.
Невидимо, как ветер,
Несётся время за тобой,
За всеми, кто на свете.
К нему узду не подберёшь.
Сквозь стены и заставы
Оно вколачивает дрожь
Своей косматой лавой.
Обрывки судеб, нервов, дат
В хрустящей звёздной пыли.
И накрывает времяпад
Без всяких или... или...
Кто отступал, того сметёт,
Кто пал, тот не замечен.
Но тем, кто гнал себя вперёд,
Найдётся место в смерче.

2018 г.

Асия

Земли русские носят врагов.
Земли русские терпят границы.
Смотрят земли в глаза облаков
И летящим на родину птицам.
Земли слышат чужие шаги,
Ханский говор и гневное сердце.
Земли ждут из кирзы сапоги
Или их заменившие берцы,
Чтобы грязью взасос целовать
Каблуки и тушить самокрутки,
И за русскую даль воевать,
И в Россию нестись на попутке...
Снова Азию кличет Азов,
Всё зовёт и зовёт неустанно.
И летает над землями зов
Потерявших Отечество станов.
Станы, станы... на склонах веков.
До Китайской стены и Амура
Вся ты, Азия, – клич казаков
Да окольная степь Байконура.
... И подняться нельзя и пойти,
И не могут они по-пластунски, —
Земли просто лежат на пути

У идущих в империю русских.

2014 г.

Времегодица

Календарь говорит о весне,
А зима с ним опять не согласна.
И замёрзла сосулька в окне,
За метелями солнце погасло.
Март по пояс в глубоких снегах.
Ветер северный ломится в сени.
Может, бродит весна в двух шагах,
Но никак мы не встретимся с нею.
Ну, а вдруг простудилась она
И слегла, и становится поздней,
Ведь она же всего лишь – весна.
Быть в России весной – это подвиг.
И в России зима, как война,
И она никогда не сдаётся.
И на русских похожа она,
И всегда до последнего бьётся.
Как же зимушку нам не понять?
Но с весною мы тоже по-свойски.
Не сдавайся, сугробная рать!
Наступай, соловьиное войско!
В этой битве победе не быть:
Поражений не знает природа.
И не станем мы меньше любить

Два отчаянных времени года.
И себе улыбаемся мы,
И на вешнюю сторону тянем,
Чтобы русский характер зимы
Отогреть в поцелуях проталин.

2018 г.

Сталинград

Нам сказали: «Сталин – гад»...

Но идёт на свой парад

На Мамаевом кургане

Русский город Сталинград.

Он не требует наград.

И оркестр ему не нужен, —

Он шагает в ногу дружно

Под удары канонад.

Он простреленной рукой

Боевое держит знамя.

Он идёт на встречу с нами

Над великою рекой.

Это город Сталинград.

Он идёт на свой парад

На Мамаевом кургане

Впереди своих солдат.

Их нельзя остановить,

Ведь они непобедимы

И потомками любимы, —

Значит, вечно будут жить.

Значит, город есть такой.

Был и есть, и будет гордо

Возвышаться этот город

Над великою рекой.
И не ведает преград
Русской памяти парад.
И отлито в небе солнце,
Как медаль «За Сталинград».

2014 г.

Коренной

Народ – живучая основа:
Его – под корень, он – опять
Из корня вырастает снова,
И бесполезно корчевать.
С землёю сросся воедино, —
Не сдвинешь, не перенесёшь,
Не перережешь пуповину,
А только зря затупишь нож.
В своих лесах, полях и весях,
И захолустных городках
Живёт и вечен он, и весел
С колючей искоркой в зрачках.
А без его спокойной силы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.